

Максимов Владимир Владимирович

"ПРИ СВЕТЕ ДНЯ" Э. Г. КАЗАКЕВИЧА: СТРАТЕГИЯ ДЕГЕРОИЗАЦИИ ВОЕННОЙ ЭПИКИ

На материале одного из знаковых произведений своего времени – рассказа Э. Г. Казакевича "При свете дня" – выявляется и анализируется стратегия преодоления героики как основного типа художественности, определявшего поэтику военной прозы 1940-1950-х гг. В качестве ключевых рассматриваются два аспекта нарративной структуры произведения: сюжетный (организация событийного плана текста) и композиционный (организация идеологической сферы произведения). Оригинальность художественных решений, предложенных Казакевичем, определяется как прозаизация героического. Эта стратегия создавала условия для критико-аналитического отношения к самосознанию человека, прошедшего войну и стремящегося понять ее нравственные итоги.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/5-1/24.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 101-103. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

6. Ильев С. П. Русский символистский роман. Киев: Лыбидь, 1991. 172 с.
7. Кайуа Роже. Игры и люди: статьи и эссе по социологии культуры. М.: ОГИ, 2007. 304 с.
8. Колобаева Л. А. Русский символизм. М.: Издательство МГУ, 2000. 296 с.
9. Лепехин М. П. Из комментариев к «Мелкому бесу» // Федор Сологуб: биография, творчество, интерпретации: материалы IV Международной научной конференции / сост. М. М. Павлова. СПб.: Издательско-полиграфическая компания «Коста», 2010. С. 201-242.
10. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Изд-во политической литературы, 1991. 525 с.
11. Минц З. Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Минц З. Г. Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство – СПб, 2004. 480 с.
12. Павлова М. Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М.: НЛЮ, 2007. 512 с.
13. Пироговская М. Парфюмерный код в романе Федора Сологуба «Мелкий бес» // Федор Сологуб: биография, творчество, интерпретации: материалы IV Международной научной конференции / сост. М. М. Павлова. СПб.: Издательско-полиграфическая компания «Коста», 2010. С. 354-369.
14. Пустыгина Н. Г. Символика огня в романе Федора Сологуба «Мелкий бес» // Биография и творчество в русской культуре начала XX века: Блоковский сборник IX. Памяти Д. Е. Максимова / отв. ред. З. Г. Минц; ред. В. И. Беззубов. Тарту: Изд-во ТГУ, 1989. С. 124-137.
15. Сологуб Ф. К. Мелкий бес: роман / вступ. статья В. Келдыша; науч. подгот. текста и коммент. М. Козьменко. М.: Худож. лит., 1988. 303 с.

AUTHOR'S RHETORICAL CHARACTER AND PERSONAGES' SELF-DETERMINATION IN NOVEL "THE LITTLE DEMON" BY F. SOLOGUB

Lutsenko Kseniya Valer'evna
South Federal University
luzenkoksena@yandex.ru

The author discusses the influence of F. Sologub's rhetorical artistic intention on the structure of personages system in the novel "The Little Demon", considers the novel content progression in the unity of eventful and symbolic-existential plot, and proves that Sologub's artistic character dates from the statics of rhetorical character through the symbolism of mythological character to the possibility of personages' self-determination, which is significant in the aspect of its unrealizedness.

Key words and phrases: Sologub; system of personages; motif; rhetorical character; self-determination.

УДК 82.0

Филологические науки

На материале одного из знаковых произведений своего времени – рассказа Э. Г. Казакевича «При свете дня» – выявляется и анализируется стратегия преодоления героики как основного типа художественности, определявшего поэтику военной прозы 1940-1950-х гг. В качестве ключевых рассматриваются два аспекта нарративной структуры произведения: сюжетный (организация событийного плана текста) и композиционный (организация идеологической сферы произведения). Оригинальность художественных решений, предложенных Казакевичем, определяется как прозаизация героического. Эта стратегия создавала условия для критико-аналитического отношения к самосознанию человека, прошедшего войну и стремящегося понять ее нравственные итоги.

Ключевые слова и фразы: военная эпика; канон; нарративная модель; героика; стратегия дегероизации; сюжет; ситуация; событие; герой; композиция; идеология; автор; повествователь; рассказчик.

Максимов Владимир Владимирович, к. филол. н., доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
v_v_maksimov@rambler.ru

«ПРИ СВЕТЕ ДНЯ» Э. Г. КАЗАКЕВИЧА: СТРАТЕГИЯ ДЕГЕРОИЗАЦИИ ВОЕННОЙ ЭПИКИ®

В контексте отечественного литературоведения мысль о том, что основу классического (канонического) произведения, принадлежащего к военно-эпической традиции, образует героика, является теоретически обоснованной [1; 6; 9] и доказанной на большом историко-литературном материале [4; 5; 11].

Поэтика неклассической (неканонической) военной прозы, стремительно формирующаяся в контексте Нового и Новейшего времени, начиная с пушкинской «Капитанской дочки», лишена такой отчетливой осмысленности и нуждается в методологической постановке и решении целого ряда теоретических проблем. Главной из них становится выявление, описание и определение стратегий дегероизации художественной действительности. В реальном контексте историко-литературного процесса таких стратегий обнаруживается

хотя и достаточно большое, но тем не менее ограниченное и, следовательно, исчислимое количество. Наибольший интерес представляют те случаи, когда обе стратегии – героизации и дегероизации – встречаются в рамках одного произведения, благодаря чему само произведение репрезентирует процесс межпарадигмального перехода от традиционных к инновационным моделям нарративной структуры.

В контексте интересующей нас темы ранний этап становления эпической традиции (1940-1950-е гг.), посвященной событиям Великой Отечественной войны, проходит под знаком доминирования литературной парадигмы соцреализма и отражается в поэтике канонического военного произведения, в центре которого находятся: рассказ о подлинном герое и его подвиге [10]; монолитная позиция автора и повествователя, восходящая к советской идеологии [4]; редуцированная нарративная модель, основанная на полной интеграции различных уровней и аспектов (от автора до повествователя и персонажа) [12].

Наиболее ярко все эти три момента представлены в таких образцах соцреалистического письма, как «Повесть о настоящем человеке» Б. Н. Полевого и «Молодая гвардия» А. А. Фадеева [4].

После смерти Сталина и XX съезда, наряду с продолжающейся литературной практикой, нацеленной на художественное изображение военной реальности в героизирующей перспективе, возникает прямо противоположная тенденция, контекст которой со временем расширяется и становится определяющим с середины 1980-х гг., в эпоху «перестройки и гласности», сопровождающуюся демонтажом советской идеологии и переоценкой отечественной истории, включая события военной истории Советского Союза.

Текст, о котором пойдет речь, – рассказ Э. Г. Казакевича «При свете дня» – занимает в этом магистральном контексте далеко не случайное место, потому что является одним из стартовых в процессе перехода от героических [10] к постгероическим [8] моделям видения, оценки и изображения войны. Как известно, в состав военной прозы Э. Г. Казакевича входит 7 опубликованных текстов: «Звезда», «Двое в степи», «Сердце друга», «Весна на Одере», «Дом на площади», «Старые знакомые», «При свете дня». Следует отметить их отчетливую распределенность как по жанровому критерию, так и по критерию принадлежности к двум конкурирующим в отмеченную эпоху литературным парадигмам. Казакевич начинает публиковаться со второй половины 1940-х гг., издает две маленькие повести, обе написаны в ориентации на традиции классического реализма; на протяжении 1950-х гг. он выступает в печати с 4 произведениями всего жанрового спектра эпики, при этом тексты написаны в лучших традициях соцреализма; наконец, в 1960 г. автор публикует большой рассказ, над которым он работал почти 12 лет и в котором попытался объединить достижения обоих реализмов.

Фабульная основа рассказа достаточно проста: она приурочена к послевоенной ситуации (1946 г.) и представляет собой повествование об исполнении сибиряком Андреем Слепцовым предсмертной просьбы своего однополчанина, Виктора Нечаева – приехать в Москву, найти семью, сообщить жене о том, как он воевал, а также передать личные вещи сыну. Действие отличается высокой степенью концентрации во времени (один день), в пространстве (московская квартира Нечаевых) и небольшим количеством действующих лиц (их всего шесть, из которых активно действуют трое). Центральным фрагментом повествования становится рассказ А. Слепцова о том, как они познакомились с Нечаевым, о боях, личности и характере командира, о его смерти. Таким образом, героизация образа воюющего человека принадлежит не кругозору повествователя (и тем более не целостной позиции автора), а точке зрения на события, принадлежащей простому человеку, обычному солдату. Не отступая от реальности происходившего, он создает своеобразный сказово-стилизированный портрет особого человека. Сюда относятся такие моменты, как, с одной стороны, абсолютно штатская внешность Нечаева, его скромность, честность, интеллигентность, а с другой – смелость, стойкость, внутренняя свобода, что подчеркивается и мотивом быстрой карьеры лейтенанта, ставшего за три дня командиром полка, заступив на место убитых офицеров; и сцена его встречи с Маршалом, который приказывает взять любой ценой «высотку», занятую фашистами; и альтернатива – быть расстрелянным или Героем Советского Союза; и эпизод переправы. Использование традиционных мотивов придает рассказу Слепцова условный оттенок полуполюгендарного сообщения, основанием которого является установка воюющего коллектива на фигуру своего легендарного героя.

Второе, что усиливает момент героизации, определяется содержанием миссии приехавшего, в которой акт восстановления полноты Памяти о погибшем соединяется с актом символической передачи вещей погибшего его сыну, что является своеобразным моментом символической реинкарнации и регенерации. Заметим, что ничто не мешает на уровне сюжета осуществить А. Слепцову то, что он должен был сделать, и в этом тоже сказывается аспект героизации художественной действительности, связанный со смысловой перспективой продолжения жизни погибшего. Этот мотив известен и по другому произведению Э. Казакевича. Так, повесть «Сердце друга» завершается главой с символическим названием «Жизнь мертвых». В рассказе такое присутствие погибшего в границах засмертного бытия проявляется уже в том, что именно он и создает само событие встречи своей семьи со Слепцовым и как бы незримо постоянно присутствует в самой сцене встречи.

Однако, наряду с отмеченными линиями создания героической модели художественной действительности, повествователь (и автор) активно использует стратегию дегероизации, которая с особой отчетливостью проявляется в следующих трех моментах.

Во-первых, сам Нечаев постоянно говорит о том, что новый опыт, освоенный им в военной ситуации, не обладает свойствами необратимости, и высказывает опасения, что новые качества его характера и привычки могут исчезнуть в послевоенной обстановке и мирном быту.

Во-вторых, рассказ о герое осуществляется в парадоксальной коммуникативной ситуации, так как его ведет герой, отличающийся крайне прозаическим (бытовым) кругозором. Ценностные границы представлений Слепцова и круг его целевых предпочтений абсолютно далеки от аналогичных областей личного опыта Нечаева. И хотя гость-вестник воспринимает своего командира как пример для подражания, в своей жизни

сам предпочитает жить так, как может, а не так, как должен. Любопытно, но и слушатели рассказа по своему кругозору тоже не выходят за рамки элементарных задач выживания любой ценой и как можно дальше от линии фронта (Нечаева и ее новый муж). Несколько уравнивает этот контекст прозаического восприятия героической истории сын, внешне, как отмечает Слепцов, очень напоминающий отца, но это не отмечает внутреннего парадокса как самой коммуникативной ситуации, так и рассказа, который, по сути дела, осуществляется не тем (Слепцов), не для тех (Нечаева и ее муж) и не о том (не о героизме на войне).

В-третьих, на роль основного нарративного приема дегероизации выдвигается в тексте контраст, возникающий на сопряжении семантики «света» (истинного) и «слепоты» (неистинного). Здесь определяющую роль играют не только название произведения и «фотические мотивы», но и семантические ресурсы фамилии героя-рассказчика – Слепцовым он назван неслучайно, в результате утверждается нарративно-смысловая формула: Слепцов – это человек, не видящий света Истины. Приведем ряд наиболее показательных примеров:

Это все было настолько неожиданно, что у Слепцова зарыбило в глазах [3];

Глядя исподлобья на Слепцова и отмечая про себя нежность слепцовского взгляда, Юра тем не менее не решился рассказать сибиряку о своей мечте, понимая, в сущности, что это детская мечта, слишком прекрасная, чтобы быть осуществимой [Там же];

В этот миг ресницы Нечаева вздрагивают и с трудом отлепляют от лица, Нечаев открывает свои большие глаза и взглядывает на Слепцова взглядом неторопливым, всевидящим и как бы очень успокоенным и довольным [Там же];

И, вспомнив слова капитана Нечаева о его двух окнах, Слепцов змотал головой, как лошадь, которую мучают слепцы, и больно закусил губу, чтобы не заплакать [Там же].

Таким образом, стратегия дегероизации, художественно воплощенная автором в рассказе, выразилась в проблематизации нарративной структуры канонического «военного произведения». Она проявляется в том, что, (1) вводя фигуры персонажей, обладающих прозаическим (бытовым) кругозором, (2) используя позиции ненадежного героя-рассказчика (Слепцов) и столь же ненадежных персонажей – слушателей, (3) поставив в центр произведения образ Нечаева, балансирующий на границе героического и прозаического, писатель (4) избежал соблазна использовать возможности аукториального повествования (то есть всеведение автора и завершенность героя), чем (5) максимально активизировал сотворческую энергию читателя, которому (6) предстояло лично понять смысл произведения, (7) без готовых событийных схем и идеологических подсказок.

Созданная Э. Казакевичем нарративная модель окажется перспективной и будет использоваться в военной прозе таких разных писателей, как Б. Окуджава («Будь здоров, школяр!»), В. Кондратьев («Сашка»), К. Воробьев («Крик»), А. Солженицын («Адлинг Швенкиттен»), Д. Гранин («По ту сторону») и многих других.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Работы 1920-х гг. Киев: Next, 1994. С. 69-255.
2. Бройтман С. Н. К вопросу о субъектно-образной структуре «Слова о полку Игореве» // Труды отдела древнерусской литературы. Л.: Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом), 1990. Т. 44. С. 363-369.
3. Казакевич Э. Г. При свете дня [Электронный ресурс]. URL: <http://www.likebook.ru/books/view/131404/> (дата обращения: 07.02.2013).
4. Кларк К. Советский роман: история как ритуал / пер. с англ.; под ред. М. А. Литовской. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. 262 с.
5. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л.: Худож. лит., 1985. 219 с.
6. Лосев А. Ф. Гомер. М.: Просвещение, 1960. 285 с.
7. Максимов В. В. «Звезда» Э. Г. Казакевича: герой, сюжет, жанр // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Издательство «Грамота», 2013. № 1 (19). С. 111-113.
8. Максимов В. В. Повесть Э. Г. Казакевича «Двое в степи»: фабула как нарратологическая проблема // Новый филологический вестник. М.: Издательство РГГУ, 2011. № 4 (19). С. 121-130.
9. Тамарченко Н. Д. Теория литературных родов и жанров. Эпика. Тверь: Издательство ТверГУ, 2001. 70 с.
10. Тюпа В. И. Анализ художественного произведения. М.: Академия, 2009. 336 с.
11. Федоров В. В. О природе поэтической реальности. М.: Советский писатель, 1984. 184 с.
12. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

“IN DAYLIGHT” OF E. G. KAZAKEVICH: STRATEGY OF MILITARY EPIC POETRY DE-GLORIFICATION

Maksimov Vladimir Vladimirovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Research Tomsk Polytechnic University
v_v_maksimov@rambler.ru

The author by the material of one of the most significant works of his time - the story “In Daylight” of E. G. Kazakevich - reveals and analyzes the strategy of overcoming the heroics as the main type of artistry, determined the military prose poetry in the 1940-1950s; considers as key ones two aspects of this work narrative structure: plot (the organization of text event plan) and composition (the organization of work ideological sphere); defines the originality of artistic solutions suggested by Kazakevich as the prosaization of heroic, and concludes that this strategy created the conditions for critical-analytical attitude to human consciousness, passing through the war and seeking to understand its moral results.

Key words and phrases: military epic poetry; canon; narrative model; heroics; strategy of de-glorification; plot; situation; event; hero; composition; ideology; author; narrator; storyteller.